

Арктика и Север. 2024. № 56. С. 291–304.

Обзорная статья

УДК [008+2+94](470.1/.2)(045)

DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.56.291>

Институт наставничества в социокультурном пространстве Русского Севера и Русской Арктики: традиции и новации

Теребихин Николай Михайлович¹✉, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник

Мелютина Марина Николаевна², кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник

Яковлева Александра Вячеславовна³, исполняющая обязанности директора

¹ Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, набережная Северной Двины, 17, Архангельск, Россия;

¹ Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова Уральского отделения Российской академии наук, пр. Никольский, 20, Архангельск, Россия

^{2,3} ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский», набережная Северной Двины, 78, Архангельск, Россия

¹ terebihinn@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2981-285X>

² nauka@kenozero.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6492-1306>

³ razvitie@kenozero.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-8807-6458>

Аннотация. На прошедшем в Санкт-Петербурге в конце июня 2023 г. XV Конгрессе антропологов и этнологов России особое внимание было уделено обсуждению актуальных теоретических и практических проблем, связанных с научными рефлексиями и общественными практиками института наставничества в культурах Севера России. В докладе, представленном авторами данной статьи на Конгрессе, были изложены научные результаты исследований традиционного института наставничества в староверческих социумах карел, коми, русских усть-цилемов, «института бабушек» в Кенозерье и Онежском Поморье, ритуальных «наставнических» функций ненецких шаманов и зырянских колдунов, общественных практик духовного окормления мирян в церковно-приходском общечужестве севернорусского мира-земства. Центральное место в статье уделено представлению научных результатов анализа форм, методов и направлений наставнической деятельности Кенозерского национального парка, который, опираясь на этнокультурное наследие традиционных социумов Озерного края, выступает в качестве эталонной методологической школы-лаборатории, реализующей широкий спектр наставнических исследовательских и образовательных практик, направленных на превращение и преобразование локальных территорий в социокультурное пространство творческого диалога и сотрудничества Парка с местными сообществами, на подготовку лидеров и активистов территориального общественного самоуправления (ТОСы), на разработку региональной стратегии и локальных программ пространственного развития Северного макрорегиона.

Ключевые слова: институт наставничества, социокультурное пространство, семиотический подход, местное сообщество, Кенозерский национальный парк, традиционные ценности, институт бабушек, севернорусский мир

Благодарности и финансирование

* © Теребихин Н.М., Мелютина М.Н., Яковлева А.В., 2024

Для цитирования: Теребихин Н.М., Мелютина М.Н., Яковлева А.В. Институт наставничества в социокультурном пространстве Русского Севера и Русской Арктики: традиции и новации // Арктика и Север. 2024. № 56. С. 291–304. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.56.291>

For citation: Terebikhin N.N., Melyutina M.N., Yakovleva A.V. Institute of Mentoring in the Socio-Cultural Space of the Russian North and the Russian Arctic: Traditions and Innovations. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2024, no. 56, pp. 291–304. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.56.291>

Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии [CC BY-SA](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-28-20502, <https://rscf.ru/project/22-28-20502/>.

Institute of Mentoring in the Socio-Cultural Space of the Russian North and the Russian Arctic: Traditions and Innovations

Nikolay N. Terebikhin¹✉, Dr. Sci. (Phil.), Professor, Chief Researcher

Marina N. Melyutina², Cand. Sci. (Phil.), Leading Researcher

Aleksandra V. Yakovleva³, Acting Director

¹ Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Naberezhnaya Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, Russia

¹ Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, pr. Nikolskiy, 20, Arkhangelsk, Russia

^{2,3} Kenozerskiy National Park, Naberezhnaya Severnoy Dviny, 78, Arkhangelsk, Russia

¹ terebihinn@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2981-285X>

² nauka@kenozero.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6492-1306>

³ razvitie@kenozero.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-8807-6458>

Abstract. At the XV Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia, held in St. Petersburg at the end of June 2023, special attention was paid to the discussion of topical theoretical and practical problems related to scientific reflections and social practices of the institute of mentoring in the cultures of the Russian North. The report presented by the authors of this article at the Congress outlined the scientific results of research on the traditional institution of mentoring in the Old Believer societies of Karelians, Komi, Russian Ust-Tsilems, the “institute of grandmothers” in Kenozerye and Onega Pomorie, the ritual “mentoring” functions of Nenets shamans and Zyryan sorcerers, public practices of the spiritual guidance of the laity in the parochial community of the North Russian mir-zemstvo. The central place in the article is given to the presentation of the scientific results of the analysis of the forms, methods and directions of the mentoring activities of the Kenozerskiy National Park, which, relying on the ethno-cultural heritage of the traditional societies of the Ozernyy district, acts as a reference methodological school-laboratory, implementing a wide range of mentoring research and educational practices aimed at transformation of local territories into a socio-cultural space of creative dialogue and cooperation between the Park and local communities, training of leaders and activists of territorial public self-government (TPS), elaboration of regional strategy and local programs of spatial development of the Northern macro-region.

Keywords: *mentoring institute, socio-cultural space, semiotic approach, local community, Kenozerskiy National Park, traditional values, institute of grandmothers, Northern Russian world*

Введение

Изучение роли и места института наставничества в социокультурном пространстве этнических и локальных сообществ Русского Севера и Русской Арктики приобретает особую теоретическую и практическую актуальность и значимость в контексте президентского Указа об объявлении 2023 года «Годом педагога и наставника».

В методологическом инструментарии исследования традиционных форм института наставничества как механизма передачи (трансмиссии) сакрального знания и умения, священного слова и дела наиболее сильную позицию занимают семиотический подход и герменевтика, ориентированные на интерпретацию (истолкование) мифа, символа и ритуала, которые в своем триединстве составляют язык традиции в его синтаксическом, семантическом и прагматическом аспектах.

Ярким примером эффективности подобного подхода к исследованию процесса передачи (переноса) сакрального наследия как ядра традиции является концепция «культурно-семиотического трансфера», разработанная С.С. Аванесовым для изучения парадигмальных оснований переноса сакральных пространств в устройении топики русского города [1]. Культурно-семиотический трансфер образует стержневую нить традиционного института наставничества, основанного на идеях и образах передачи, переноса, перехода, стояния, пути-дороги. Наставник — вождь, вожатый, предводитель, проводник, ангел, гений человека и социальной группы, ведущий их по циклической горизонтали мифа о вечном возвращении и вертикали небесного избранничества-преображения.

Наставник — это харизматический лидер этнических и локальных сообществ Русского Севера и Русской Арктики, их духовный вожатый, сопутник в путешествиях по инициатическим пространствам жизни и смерти на самом северном Крае Земли. Таким харизматическим лидером саамов и ненцев являлся шаман, который «стоит в центре этноса и является его главной “маской”, “маской масок”. Шаман в этносе представляет собой его персонифицированный и функциональный синтез. Он выполняет главную работу этноса: следит за сохранением постоянства этнической структуры. Шаман выражает собой баланс, то, что делает этнос этносом — неизменность, непрерывность, трансляцию кода, передачу знаний (мифов, обрядов, традиций), исправление всех погрешностей социального и природного характера, с которыми сталкивается этнос. Шаман обеспечивает неизменность статики, он есть выражение этноса как статического явления» [2, Дугин А.Г., с. 212].

В архаических социумах кочевников Арктики шаман как «космочеловек» выступает в качестве наставника не только своего двойника — ученика, но и всей этнической группы, проходящей вместе с неофитом (новым избранником духов) драматический ритуал посвящения (инициации). Развёрнутое описание и анализ статусных функций шамана – наставника в обрядах шаманской инициации у ненцев представлены в работах Л.В. Хомич [3] и Л.А. Лар [4].

Харизматическим лидером и героем преданий лесного царства народа коми являлся колдун, узурпировавший и усвоивший статус духовного наставника у низвергнутого апостолом зырян Стефаном Пермским языческого шаманского идола. После уничтожения низвержения шаманов («памов») колдун, ранее занимавший строго определённое и специализированное место в шаманистской иерархии, начинает присваивать себе функции, находившиеся в компетенции шамана, в том числе похищает и его харизму божественного избранничества, претендует на роль духовного наставника — предводителя этноса. Но колдун — это обращённый, подменный, самозванный шаман, и его медиативная деятельность вносит неопределённость, непредсказуемость в социум, порождает постоянную тревогу и настороженность. Поскольку колдун это превращённый шаман, постольку в его мифологическом образе много квазিশаманских черт. На нём лежит печать избранности, но избирают его не светлые небесные духи зырянской шаманской лестницы, а тёмные хтонические боже-

ства лесного царства. Зырянский «Лес» являл собой то сакральное, «таинственно-страшное» (П.А. Флоренский) пространство, которое излучало мощную позитивную и негативную энергию. Стражем порога священного лесного царства и монопольным знатоком его пространственной организации являлся колдун, который в силу своего маргинального статуса являлся посредником между различными сферами сакрального, между лесом и домом. Колдун как маргинальная личность являлся «своим среди чужих» в потустороннем священном лесном мире и «чужим среди своих» в домашнем микрокосме, где он воспринимался как исчадие иного мира, как воплощение изнаночной, оборотной стороны священного, его тёмной периферии [5, Теребихин Н.М., с. 27–28].

О значимой роли образа колдуна — носителя тайного знания — в коми-зырянском социуме свидетельствует тот факт, что «колдовская» эзотерика была усвоена даже наставниками старообрядческих общин. По свидетельству исследовательницы института наставничества в древлеправославной традиции коми В.В. Власовой: «В представлениях коми староверов о наставнике нашли отражение и христианский канон, и поверия, восходящие к архаическим традициям. С одной стороны, наставник следил за “чистотой веры”, читал и трактовал священные тексты, являлся лидером религиозной общины; с другой — обладал тайным знанием (*тöдысь*)» [6, с. 67]. В этом отношении институт наставников у коми староверов самым принципиальным образом отличался от кодекса наставника, принятого в общинах русских старообрядцев Усть-Цильмы, у которых, по данным известной исследовательницы старообрядческой традиции Печорского края Т.И. Дроновой, наставники-духовники «не использовали заговоры и, таким образом, не являлись носителями “тайного” знания. Ворожба причислялась к числу тяжчайших грехов и не соотносилась с наставническим служением» [7, с. 73].

Важное место в изучении истории и феноменологии института наставничества занимают исследования А.А. Чувьюрова, который раскрыл ключевую роль старообрядческих наставников в сохранении и передаче религиозного и этнокультурного наследия коми. По его словам, наставники выполняли функции посредника между староверческой книжной культурой и устной традицией коми [8, с. 453].

Особо значимый вклад в исследование древлеправославной традиции финно-угорских этносов Русского Севера и Северо-Запада внесли фундаментальные труды О.М. Фишман, посвящённые изучению локальной группы тихвинских карел-староверов и их духовных лидеров-наставников («отче»). Исследовательница отметила «преемственность духовного водительства», которая «осуществлялась согласно старообрядческому канону по устному благословию старым наставником нового» [9, с. 255]. «Как посредники между верующими людьми и богом в окружающем их “чужом мире”, *отче*, видимо, осознавали свою избранническую роль, прежде всего, как служителей-исполнителей таинств крещения и исповедания, ежедневных и праздничных богослужений и треб» [9, с. 256]. Оценивая исследования О.М. Фишман в области карельского старообрядчества, И.Ю. Винокурова особо выде-

ляет те разделы её изысканий, в которых представлена типология социальных лидеров-наставников и их антагонистов — персонажей колдовской периферии карельского этноцентра [10, с. 166].

Столь высокий сакральный статус наставника старообрядческой общины в локальных и этноконфессиональных сообществах обусловлен симбиозом соборного строя староверческих общин со священной традицией земского самоуправления на Русском Севере, предполагавшим избрание своих духовных наставников и настоятелей из числа наиболее достойных соборян-земцев. Севернорусский мир как идеальная форма народного самоуправления, строившийся по заповеди «как мера и красота скажут», по законам божественного домостроительства, поражает удивительной простотой, соразмерностью, лаконичностью и в то же время симфоничностью, соборностью своего религиозного и социокультурного ландшафта, запечатлённого в изящной тринитарной формуле С.В. Юшкова «мир един, но троичен в своих проявлениях». Триединство северного мира проявлялось в трёх его ипостасях (приход, волость, община), которые по-разному выражали триалектику собора или совета мирян, являвшего собой нераздельное и неслиянное собрание человеческих личностей [11, Теребихин Н.М.].

В церковно-приходской организации северного земства-мира особо значимое место занимали часовенные приходы-согласия, возглавляемые духовными наставниками — старостами (приказчиками). «Часовенный староста, избравшийся на мирском сходе, осуществлял функции религиозной регламентации жизни северного сообщества. Старостой избирался человек, обладавший определённым знанием Священного Писания и Священного Предания, таинств и обрядов православной церкви, церковного календаря. В его обязанности входило также приглашение приходских священнослужителей для отправления молебнов в праздничные дни, хранение сакральной утвари, сбор пожертвований в часовенную казну, руководство общественными жертвенными пирами, в том числе выполнение функции жреца, совершающего жертвоприношение животного (барана) в ритуальной трапезе «бараньего воскресения», сбор денег за пользование часовенными пивоваренными котлами и т. д. Позднее, в раннесоветский период, от великой нужды в обязанности старосты входило совершение таинства Крещения и обряда отпевания. Выполнение этих религиозных функций наделяло часовенного приказчика высоким социальным и сакральным статусом духовного наставника, знатока и хранителя традиции — сокровенного знания законов небесного и земного мироустройства, воплощённого в пространственных формах сакральной семиосферы северного мира» [12, Мелютина М.Н., Теребихин Н.М., с. 34].

В традиционных локальных сообществах Поонежья и Онежского Поморья (территория современного Кенозерского национального парка) институт наставников — хранителей местных святынь — контаминируется с институтом бабушек — «божественных старушек», выполнявших важные социокультурные функции контроля (цензуры) за соблюдением норм,

правил, обычаев и заповедей правильного ритуального и обыденного поведения в священном пространстве северного земства-мира.

«Бабушки» как представительницы маргинальной области «живых» предков владели сакральными знаниями, что определяло их статус хранительниц метафизических рубежей человеческого бытия, «стражей порога» и воплощённой «цензуры коллектива». Кенозерские и поморские бабушки являлись руководительницами и участницами обрядов жизненного цикла, окказиональных и календарных обрядов, в которых воспроизводились пороговые ситуации встречи и прощания, перехода границ и смены онтологического статуса. Бабушки исполняли / исполняют роль хранительниц священных мест — ключевых топосов сакрального ландшафта севернорусского локального социума (мира)» [13, Теребихин Н.М., Мелютина М.Н., с. 322]. В староверческой традиции Поонежья служение в часовне было мужским занятием. Однако после Великой Отечественной войны функцию приказчиков-старост начинают исполнять «божественные старушки», которые истово соблюдали древнерусскую, восходящую ещё к языческим временам традицию почитания только «своих» священных древностей, запечатлевших образ «своего», «домашнего», «деревенского» («запазушного» – по выражению Н.С. Лескова) «русского бога»: «Весьма показателен в этом отношении обычай поклоняться только своим иконам, который восходит к обычаю поклоняться своим богам (идолам) в языческом культе» [14, Успенский Б.А., с. 182]. Подобное же представление о храме и иконе как о жилище и вместилище «своего бога» бытовало и в Кенозерье. «В каждой деревне свой богушко», — говорили жители Озерного края.

По свидетельству Артемьевой (Подосеновой) Нины Николаевны, «за Никольской часовней в деревне Бухалово смотрела Катерина — старая бабушка, по-деревенски Матренина. Верующая была, всё время ходила в часовню, молилась, пела молитвы, жила в маленькой избе-заднюю. Жила долго, ходила с батогом, посты все соблюдала»¹.

«Стояла часовенка в деревне Бор, так мы ходили, тогда уж перестали веровать в Бога, а мы ходили с мамами, с бабушками в Пасху, Всеношную на всю ночь ходили. Служил Всеношную старичок Тимоша, теперь нету давно уже», — вспоминали жители упразднённой в 1980-х гг. деревни². В 1960–1970-е гг. смотрительницей часовни апостола Иоанна Богослова была Александра Петровна Шишкина, затем присматривать за деревенской святыней стала Клавдия Федоровна Шишкина. В середине XX в. в святой роще деревни Шишкина местными жителями была построена часовня Тихвинской иконы Божьей Матери. В 1950–1960-е гг. смотрительницей часовни была Анна Егоровна Заляжная³.

¹ Программа «Паспортизация деревень». Деревня Бухалово // Электронный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».

² Программа «Паспортизация деревень». Деревня Бор // Электронный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».

³ Программа «Паспортизация деревень». Деревня Шишкина // Электронный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».

Несмотря на то, что церковь Святого Георгия Победоносца в селе Порженское была закрыта в 1930 г., «церковной сторожихой долго ещё была бабушка Анна Курмина», — свидетельствует записавший эту информацию в 1958 г. фольклорист Ю.И. Смирнов ⁴.

В 1920–1930-х гг. добровольным помощником почезерских священников была Ирина Васильевна Патракеева (1900–1990). Уроженка деревни Филипповской, Ирина Васильевна и после закрытия храмов в Почезере продолжала присматривать за погостом. По архивным документам середины XX в. известно, что «на территории Ряпусовского сельсовета имеется маленькая церковь или часовенка, в которую ходят верующие молитвы творить, оставляют жертвоприношения вещами (платки, атласник, много очень пелён с крестами, полотенца и т. д.), шерстью, частично — деньги и т. д. Руководит этим делом старушка Максимова...». В письме, написанном в 1951 г. представителям местной власти, следует указание: «В Ряпусовском сельсовете церковь действует незаконно, т. к. не разрешена к открытию. Прошу Вас предупредить гражданку Максимова, чтобы она немедленно прекратила совершение религиозной службы культа. Если гр. Максимова при совершении религиозной службы собирала деньги лично для себя, сообщите финансовым органам для обложения её подоходным налогом. Как использовать вещи: полотенца, платки и др., должна решить гр. Максимова совместно с теми лицами, которые приносили в церковь эти вещи. Церковь немедленно необходимо закрыть на замок и ключи хранить в сельсовете» ⁵.

«Церковной сторожихой» церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы в деревне Лопшеньге по своей воле была и жительница Онежского Поморья Маремьяна Осиповна Майзерова (1893–1972), информацию о которой записала фольклорист Н.И. Рождественская ⁶.

Хранительницами часовен были: Александра Александровна Капустина и Анна Александровна Семенова (часовня св. Иоанна Богослова в д. Зехново), Валентина Фёдоровна Сивцева (часовня св. Антония Сийского в д. Поромское), Кулакова Анастасия Фёдоровна, Соснина Мария Филипповна (часовня Казанской Божией Матери в д. Минино), Анна Лаврентьевна Глущевская (часовня Собор Пресвятой Богородицы), Евдокия Гавриловна и Степанида Гавриловна Нечаевы (часовня святого благоверного великого князя Александра Невского в д. Климовская (Бор), Павла Ивановна Привалихина (часовня Введения Богородицы во храм в д. Рыжково) [12, Мелютина М.Н., Теребихин Н.М.; 15, Мелютина М.Н., Теребихин Н.М.].

Источники второй половины XX в. позволяют сделать вывод о преемственности функций старосты, передачи «службы из рук в руки» членам одной семьи.

Хранительница часовни апостола Иоанна Богослова в деревне Зехнова Александра Александровна Капустина (1928–2023) рассказывала: «Часовня у нас числится XVIII века. Иоанн Богослов апостол Христов нашу деревню бережет. Ключ от часовни у свекрови Марфы Семёновны (Капустиной) долго жил, а потом свекровь стала худа, передала ключ другой ста-

⁴ Фольклорный архив кафедры русского устного народного творчества филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова // АКФМГУ 1958-03. С. 26. Собиратель: Смирнов Юрий Иванович. 1958 г.

⁵ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 43. Л. 9–10.

⁶ РГАЛИ. Ф. 2950. Оп. 1. Ед. хр. 178. Л. 8об.

рухе, а та тоже стала худа. Она говорит мне: “А на-ка подружка и ключ от часовни”. Вот ключ у меня и сидит»⁷.

Хранителем деревянной часовни Иоанна Богослова XVIII в. в д. Зехнова стала Анна Александровна Семенова (1928–2017). Её рассказ о том, как удалось сохранить «часовенку» в деревне Зехнова, является примером преданности местных жителей старинному часовенному укладу: «Часовню должны были разобрать и увезти, самолёт прилетел, лётчики сказали, что нужно часовенку сносить. Первая цепь прошла: школьники, учительница с ними, потом взрослые, и все так стоят кругом-кругом. Не даём часовенку вам и всё!»⁸.

В 1940–1960-х гг. несколько жителей Лопшеньги — Василий Осеевич Петров, Егор Иванович Майзеров, Петр Степанович Майзеров, Семен Никифорович Федотов, Анна Егоровна Майзерова — собирали всех желающих в своих домах и «вычитывали Пасху». В домах хранили божницы с образами святых, переписывали молитвы от руки. Они также крестили и отпевали своих земляков «мирским чином». Новорождённых крестили Александра Тимофеевна Петрова (1890–1977), Клеопатра Петровна Юдина (1904–1993), Александра Михайловна Поздеева (1892–1967) [16, Харитонов Я.Э., с. 61]. Во многом благодаря подвижническому служению бабушек на ниве сбережения и передачи образов и образцов культурного наследия в Кенозерском национальном парке был сохранён не только уникальный природный и культурный ландшафт, но и весь целостный традиционный лад и уклад «священного космоса русской жизни» (В.Н. Топоров).

Сбережённая поколениями кенозерских и поморских хранителей веры и ревнителей древнего благочестия живая сакральная традиция является ценностно-смысловой опорой и духовной парадигмой наставнической деятельности Кенозерского национального парка, возрождающего идеологию и институты земского мироустройства, наставляющего и воспитывающего новое поколение лидеров и деятелей местного народного самоуправления.

В этом отношении Кенозерский национальный парк, исповедующий в своей наставнической миссии соборную идею соработничества и сотрудничества с местными сообществами, являет собой эталонную методологическую школу-лабораторию и творческую мастерскую социо- и геокультурного проектирования процессов и технологий пространственного развития и обустройства локальных территорий Северного макрорегиона.

За почти три десятилетия сложилась ярко выраженная культура участия жителей Кенозерья и Лекшмозерья во всех направлениях деятельности Парка. Местные сообщества сегодня — не просто «объекты» воздействия Парка, не пассивные «потребители» его деятельности, но активные субъекты всех социокультурных и социально-экономических процессов. Сотрудничество с местными сообществами базируется на принципах приоритета сохранения

⁷ Программа «Паспортизация деревень». Деревня Зехнова // Электронный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский»

⁸ Там же.

наследия перед его использованием и соучаствующего партнёрства и решает следующие задачи:

- максимальное информирование, формирование «открытого диалога» и общественного согласия по вопросам развития территории Кенозерского национального парка и ОВН;
- содействие развитию гражданских инициатив местных сообществ;
- активизация локальной экономики, создание альтернативных источников дохода, формирование инвестиционной привлекательности и развитие предпринимательской культуры;
- развитие профессиональных и личностных компетенций местного населения;
- повышение качества жизни людей.

Сотрудничество ведётся по следующим направлениям:

- сохранение историко-культурного наследия и возрождение традиционной народной культуры;
- охрана природы и экологическая безопасность территории;
- развитие устойчивого туризма;
- социально-экономическое развитие и формирование гражданского общества.

Сохранение историко-культурного наследия и возрождение традиционной народной культуры — одна из ключевых задач Кенозерского национального парка. В её реализации деятельное участие принимают представители местного сообщества, которому возвращена его исконная, изначальная роль главного деятеля в сферах, связанных с возрождением, бережением и рачительным использованием традиционного природно-культурного наследия севернорусского мира. Кенозерские «изящные мастера»-плотники, искусные в деревянном искусстве, соучаствуют в благородном деле восстановления (реставрации) всего священного архитектурного ансамбля заповедной территории Парка. Отреставрированные памятники деревянного зодчества переходят в пользование местных сообществ, которые становятся носителями ключевой социокультурной миссии творцов и хранителей наследия. В Кенозерском национальном парке, опирающемся на этнокультурную традицию локальных и этнических сообществ Русского Севера, осуществляется продуктивная систематическая работа по сохранению и возрождению традиционных промыслов и ремёсел, цикла календарных праздников и обрядов, организации и проведению ярмарочных действий и фольклорных фестивалей.

Успешно функционируют три Центра промыслов и ремёсел, организованы четыре разновозрастных фольклорных коллектива, работают гончарная, кузнечные, столярные и другие мастерские, создана эффективная система сувенирного производства местными жителями, восстанавливаются традиции природопользования и предлагаются в качестве «соучаствующего турпродукта».

Лейтмотивом туристической деятельности Кенозерского национального парка стало развитие событийного туризма. Сегодня с непосредственным участием местных жителей восстановлены и с каждым годом всё успешнее проводятся такие праздники, как Васильев день, Рождество, Масленица, День Сорока Святых, Петров день, Иванов день (Иван Купала), становятся всё более популярными среди посетителей и жителей Парка Успенская ярмарка и Фестиваль Традиционных Знаний. Важно, что это не искусственная реконструкция, а именно возрождение, основанное на тщательном изучении исторического материала. Без пробуждённого интереса местных жителей к собственным традициям, без их постепенно возрастающего активного участия в праздниках, ярмарках невозможно было бы говорить о подлинности таких мероприятий и о живой культуре территории.

Музейно-выставочная деятельность национального парка направлена не только на посетителей, но и на местное население. Жители участвуют в создании музеев и экспозиций, передают Парку предметы, фотографии, делятся своими воспоминаниями и знаниями. Музейный фонд национального парка в основном состоит из предметов, переданных местными жителями, отражающих духовную и промыслово-бытовую культуру территории. Кроме того, в рамках исследовательской программы «Паспортизация деревень» у местного населения фиксируется информация об истории деревень, их жителях, основных занятиях, интересных событиях. Предметы дополняются цифровыми копиями фотографий и иного иллюстративного материала из семейных архивов, а также служат основой для создания музеев и экспозиций, экологических троп, этнографических программ и экскурсий, публикаций и т.д.

Охрана природы и экологическая безопасность территории

Обеспечить эффективную охрану природы и экологическую безопасность территории без участия местных жителей невозможно. Поэтому с момента образования Кенозерского национального парка этому направлению уделяется особое внимание. Обо всех изменениях законодательства и режима охраны территории жителям сообщается не в уведомительном порядке, а в формате живого диалога. Как минимум два раза в год происходят встречи и собрания с охотниками и рыболовами, проживающими на территории Парка. Постоянно проводятся и индивидуальные консультации. Разъяснительные материалы, комментарии размещаются на информационных ресурсах Парка, в Визит-центрах, в администрациях муниципальных образований. Местные жители становятся ценными информантами о состоянии флоры и фауны, сообщают о встречах редких и краснокнижных видов, что создаёт благоприятные условия для ведения научных исследований. В 2000-е гг. стали возможными и показали свою эффективность рейды по охране территории совместно с активными местными жителями. К сожалению, в последние годы такая практика не распространена, но требует переосмысления и возобновления. Важным примером сотрудничества с местными жителями для сохранения благоприятной окружающей среды является работа по снижению замусоривания территорий твёрдыми коммунальными отходами.

Развитие устойчивого туризма

Основной экономической целью развития устойчивого туризма в Кенозерском национальном парке становится создание новых рабочих мест и разработка механизма распределения экономических выгод от туризма в пользу местных сообществ. Сотрудничество с местными жителями в сфере развития устойчивого туризма реализуется по следующим направлениям:

- сельский гостевой туризм;
- экскурсионное обслуживание, проведение мастер-классов и этнографических программ;
- транспортные услуги;
- услуги питания и реализация сельскохозяйственной продукции;
- производство и реализация сувенирной продукции;
- проект «Модельное сельское подворье».

Туризм на территории Кенозерского национального парка сегодня — ведущая отрасль экономики. Кроме штатных сотрудников Парка, проживающих на территории, около 200 местных жителей участвуют в различных направлениях туристической деятельности. Согласно социологическому опросу местного населения, проведённому Северным (Арктическим) федеральным университетом им. М.В. Ломоносова в 2014 и в 2019 гг., около 70% жителей Кенозерья положительно относятся к тому, что на территории их проживания развивается туризм.

Социокультурное развитие местного сообщества

С самого начала своей деятельности Кенозерский национальный парк идёт по пути реализации идеи устойчивого жизнеобеспечения местных жителей. *Вектор развития* — сохранение и поддержка коренного населения, вовлечение его в деятельность Парка. Именно здесь появлялись первые Общественные советы в 1990-е гг., первые ТОСы (территориальные общественные самоуправления) в 2000-е. С главной целью — наладить диалог и вовлечь людей в совместное управление территорией.

Своевременный переход от попыток решить все проблемы местных жителей к выстраиванию партнёрских отношений и вовлечению в деятельность Парка принёс свои результаты. Инструменты применяются самые разные: от сельских сходов до тренингов по бизнес-планированию, от тотального информирования до индивидуальных консультаций. Одно из самых значимых событий в течение года — традиционные «Зимние встречи», которые проводятся уже более 10 лет, — это площадка для открытого диалога жителей и руководства Парка, обсуждения наиболее значимых тем.

Сегодня в Парке активно действуют четыре ТОСа в д.д. Вершинино, Морщихинская, пос. Поча и Усть-Поча. С начала 2000-х гг. был реализован ряд комплексных проектов,

направленных на формирование благоприятного предпринимательского климата, развитие экономического мышления местного населения. Многие начинания стали устойчивыми.

Однако к середине 2010-х гг. взятый высокий темп в сотрудничестве с местными жителями стал несколько угасать. Созданные в Парке ТОСы перестали играть заметную роль. Задача социально-экономического развития осталась, но понадобились другие инструменты решения. Среди наиболее эффективных — семинар «10 шагов к успешному проекту», который проводится с 2015 г. в партнёрстве с Правительством Архангельской области. На нем под руководством опытных экспертов местные активисты работают над своими проектными идеями, учатся ставить цели и задачи, формулировать проблемы, планировать расходы. Ключевой момент — лучшие проекты получают финансовую поддержку от Парка, а также организационное сопровождение на этапе реализации. За пять лет реализованы 16 социокультурных проектов, среди которых такие значимые, как «Поча. XX век», «В стиле советский модерн» в п. Усть-Поча, ремонт мостов и домов культуры, создание музеев и общественных центров, благоустройство территорий и многое другое.

Пошёл долгожданный процесс принятия решений «снизу вверх». Успешность проектов развития сельских территорий находится в прямой зависимости от непосредственного участия местного населения в их разработке и реализации. Освоив инструменты социального проектирования, жители стали активно участвовать в различных грантовых конкурсах регионального и федерального уровня, получая экспертную поддержку сотрудников Парка на всех этапах. Ежегодно организуются стратегические сессии, где подводятся итоги совместных действий жителей, Парка и местных органов власти, идёт текущее и среднесрочное планирование. В 2020 г. была зарегистрирована новая автономная некоммерческая организация в п. Усть-Поча — «Кенозерские берега». Таким образом, сегодня в населённых пунктах Кенозерья реализуются комплексные многолетние проекты, действительно меняющие жизнь в деревнях к лучшему. Люди поверили в свои силы, ТОСы вновь стали «движущей силой» территории, но на новом уровне. Растет объём привлеченных активистами средств на территорию: в 2018–2020 гг. эта цифра составила почти 9 млн рублей. С учётом нефинансового вклада и волонтерского труда, стоимость проектов местных жителей за три года достигла 15 млн рублей. И если в 2014 г., согласно соцопросу, проведённому САФУ им. М.В. Ломоносова, менее 30% жителей Кенозерья оценивали деятельность ТОС хорошо и отлично, то в 2019 г. положительных оценок более половины.

Многогранная деятельность парка по сбережению, осмыслению и передаче образцов и эталонов социо- и геокультурного наследия локальных и этнических сообществ Севера раскрывает высокую наставническую миссию Кенозерского национального парка, являющего собой пространственную икону Русского Севера, его запечатлённую в священном природно-культурном ансамбле Меру и Красоту, наставляющую насельников северного Края Земли строить свой жизненный мир, обустраивать свою земную отчину («земство») по образу и подобию своего чаемого небесного Отечества — Земли Обетованной.

Список источников

1. Аванесов С.С. Сакральная топоика русского города // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2006. № 1. С. 71–114.
2. Дугин А.Г. Этносоциология. Москва: Академический проект, 2011. 639 с.
3. Хомич Л.В. Шаманы у ненцев // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири / Отв. ред. И.С. Вдовин. Москва: Наука, 1981. С. 5–41.
4. Лар Л.А. Шаманы и боги. Тюмень: Институт проблем освоения Севера СО РАН. 1998. 126 с.
5. Теребихин Н.М. Метафизика Севера. Архангельск: СОЛТИ, 2020. 516 с.
6. Власова В.В. Старообрядческие группы коми: конфессиональные особенности социальной и обрядовой жизни. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2010. 172 с.
7. Дронова Т.И. Русские староверы-беспоповцы; Конфессиональные традиции в обрядах жизненного цикла (конец XIX – XX вв.). Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2002. 276 с.
8. Чувьуров А.А. Роль старообрядческих наставников в воспроизводстве, эволюции и передаче религиозного опыта в среде коми старообрядческого населения // Рябининские чтения — 1999. Материалы III Междунар. науч. конф. (Петрозаводск, 20–24 сентября 1999 г.). Петрозаводск, 2000. С. 443–453.
9. Фишман О.М. Жизнь по вере: тихвинские карелы-старообрядцы. Москва: «Индрик», 2003. 408 с.
10. Винокурова И.Ю. Тихвинские карелы-старообрядцы в исследовании О.М. Фишман // Труды Карельского научного центра РАН. 2011. № 6. С. 163–167.
11. Теребихин Н.М. Земская традиция как особо ценное нематериальное культурное наследие Русского Севера (сакральная география и геософия севернорусского мира) // Арктика и Север. 2023. № 50. С. 272–285. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.50.272>
12. Мелютина М.Н., Теребихин Н.М. Социально-культурный ландшафт северного мира // Труды Карельского научного центра РАН. 2012. № 4. С. 25–37.
13. Теребихин Н.М., Мелютина М.Н. «Институт бабушек» в русской народной культуре сельского населения Поонежья и Онежского поморья (по материалам Кенозерского национального парка) // XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. (Казань, 2–6 июля 2019 г.). Москва; Казань: ИЭА РАН, КФУ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 322.
14. Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. Москва: Издательство Московского университета, 1982. 248 с.
15. Мелютина М.Н., Теребихин Н.М. Сакральный ландшафт Кенозерья. Архангельск: СОЛТИ, 2013. 203 с.
16. Харитонов Я.Э. Религиозный фактор в жизни крестьян Летнего берега Белого моря // Маршрут «Архангельский север особого назначения» / Сост. О. Воронова. Архангельск, 2018. С. 58–61.

References

1. Avanesov S.S. Sacred Topics of Russian Cities. *ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics*, 2006, no. 1, pp. 71–114.
2. Dugin A.G. *Etnosotsiologiya* [Ethnosociology]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2011, 639 p. (In Russ.)
3. Khomich L.V. Shamany u nentsev [Shamans among the Nenets]. In: *Problemy istorii obshchestvennogo soznaniya aborigenov Sibiri* [Problems of the History of Social Consciousness of Siberian Aborigines]. Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 5–41. (In Russ.)
4. Lar L.A. *Shamans and Gods*. Tyumen, Institute of Problems of Northern Development SB RAS Publ., 1998, 126 p. (In Russ.)
5. Terebikhin N.M. *Metafizika Severa: monografiya* [Metaphysics of the North]. Arkhangelsk, SOLTI Publ., 2020, 516 p. (In Russ.)
6. Vlasova V.V. *Staroobryadcheskie gruppy komi: konfessional'nye osobennosti sotsial'noy i obryadovoy zhizni: monografiya* [Old Believer Groups of the Komi: Confessional Peculiarities of Social and Ritual Life]. Syktyvkar, KSC UB RAS Publ., 2010, 172 p. (In Russ.)

7. Dronova T.I. *Russkie starovery-bespopovtsy; Konfessional'nye traditsii v obryadakh zhiznennogo tsikla (konets XIX – XX vv.): monografiya* [Russian Old Believers-Bespopovtsy of Ust-Tsilma: Confessional Traditions in Life Cycle Rituals (Late 19th-20th Centuries)]. Syktyvkar, KSC UB RAS Publ., 2002, 276 p. (In Russ.)
8. Chuvyurov A.A. Rol' staroobryadcheskikh nastavnikov v vosпроизводстве, evolyutsii i peredache religioznogo opyta v srede komi staroobryadcheskogo naseleniya [The Role of Old Believer Mentors in the Reproduction, Evolution and Transmission of Religious Experience among the Komi Old Believer Population]. In: *Ryabininskie chteniya — 1999. Materialy III Mezhdunar. nauch. konf.* [Ryabininskie Readings — 1999. Materials of the III International Scientific Conference]. Petrozavodsk, 2000, pp. 443–453. (In Russ.)
9. Fishman O.M. *Zhizn' po vere: tikhvinskie karely-staroobryadtsy: monografiya* [Living by Faith: Tikhvin's Old Believer Karelians]. Moscow, Indrik Publ., 2003, 408 p. (In Russ.)
10. Vinokurova I.Yu. Tikhvinskie karely-staroobryadtsy v issledovanii O.M. Fishman [Tikhvin Karelians-Old Believers in the Study of O. M. Fishman]. *Transactions of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences*, 2011, no. 6, pp. 163–167.
11. Terebikhin N.M. Zemstvo Tradition as a Particularly Valuable Intangible Cultural Heritage of the Russian North. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2023, no. 50, pp. 272–285. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.50.272>
12. Melyutina M.N., Terebikhin N.M. The Sociocultural Landscape of the Northern World. *Transactions of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences*, 2012, no. 4, pp. 25–37.
13. Terebikhin N.M., Melyutina M.N. “Institut babushek” v russkoy narodnoy kul'ture sel'skogo naseleniya Poonezh'ya i Onezhskogo pomor'ya (po materialam Kenozerskogo natsional'nogo parka) [The “Institute of Grandmothers” in the Russian Folk Culture of the Rural Population of Poonezhye and Onega Pomerania]. In: *XIII Kongress antropologov i etnologov Rossii: sb. Materialov* [The 13th Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia: Collection of Materials]. Moscow, Kazan, IEA RAS, KFU, Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT Publ., 2019, p. 322. (In Russ.)
14. Uspenskiy B.A. *Filologicheskie razyskaniya v oblasti slavyanskikh drevnostey: monografiya* [Philological Research in the Field of Slavonic Antiquities]. Moscow, Moskovskiy universitet Publ., 1982, 248 p. (In Russ.)
15. Melyutina M.N., Terebikhin N.M. *Sakral'nyy landshaft Kenozerya* [The Sacred Landscape of Kenozerye]. Arkhangelsk, SOLTI Publ., 2013, 203 p. (In Russ.)
16. Kharitonova Ya.E. Religioznyy faktor v zhizni krest'yan Letnego berega Belogo morya [The Religious Factor in the Life of the Peasants of the Summer Coast of the White Sea]. In: *Marshrut “Arkhangel'skiy sever osobogo naznacheniya”* [The Arkhangelsk North Special Purpose Route]. Arkhangelsk, 2018, pp. 58–61. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 01.09.2023; принята к публикации 06.09.2023

Вклад авторов: Теребихин Н.М. — разработка концепции и методологии исследования, общее научное руководство подготовкой текста статьи, написание первой части статьи, доработка текста статьи и ее итоговых выводов;
Мелютина М.Н. — написание второй части статьи, посвященной описанию и анализу института хранителей наследия, доработка текста статьи;
Яковлева А.В. — написание третьей части статьи, излагающей стратегию, основные направления и результаты деятельности Кенозерского национального парка как института наследия и института наставничества.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов